

Эрнесто Че Гевара – человек XXI века

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

сфере материального производства, но и в сферах духовного созидания, т. е. в культуре, искусстве и науке. Воспитанный на произведениях Федерико Гарсии Лорки и Пабло Неруды, он резко осуждал «безадресный пессимизм и вульгарное времяпрепровождение» и призывал искусство превратиться в орудие обличения действительных проблем человека и его отчуждения от собственной сущности. Че с восхищением отзывался о кубинском поэте Гильене, который с неподкупной самоотверженностью и преданностью отдавал весь свой огромный талант художника служению народу и делу, в которое он верил.

Искусство теряет всякий смысл, когда перестает быть действенным. Когда искусство не имеет опоры в серьезной практической деятельности, тогда оно утрачивает свою силу, свою связь с жизнью. Пабло Неруда четко подметил: «Поэт, не пришедший к реализму и обречен не смертью», а Федерико Гарсия Лорка призывал «быть вместе с народом, рыдать, когда рыдает народ и хохотать, когда он хохочет».

Без нового человека, человека с принципиально иной структурой личности, с совершенно иным подходом к материальному и духовному производству невозможно новое общество. Современный

мир охватил духовный кризис небывалых масштабов. Одних суровая действительность обрекает на повседневную борьбу за выживание. Других, материальный комфорт обрекает на невыносимую скуку. Зачастую самоубийство и алкоголизм являются болезненными попытками избавиться от рутинного существования. Люди ищут смысла жизни, но ничто не приносит им его. Ни религиозный экстаз, ни уход в частную жизнь, ни, тем более, погоня за наживой. Так уж устроен человек, что он в большинстве случаев плохо переносит правду в чистом виде; ему надо, чтобы религия, мораль, политика, посредством писателей, поэтов, художников, артистов и т.д. подавали ему правду в шелухе лжи.

И лишь немногим гениям под силу страхнуть с себя эту ложь, героически преодолеть кризисы, которые им приходится переживать в одиночестве, в минуты пребывания в вольном мире своих мыслей и чувств. Действительно главный удар, который судьба наносит по человеческой жизни, — это обесмысливание индивидуального существования. Гевара неустанно боролся с безысходностью и убожеством человеческого существования, одновременно с этим указывая путь к подлинной и полноценной жизни.

Н. Г. Чернышевский в работе «Прекрасное есть жизнь» писал: «Жизнь так широка и многосторонна, что в ней человек почти всегда найдет досыта всего...

Пуста и бесцветна бывает жизнь только у бесцветных людей, которые толкуют о чувствах и потребностях, на самом деле, не будучи способны иметь никаких особенных чувств и потребностей, кроме потребностей рисоваться».

Когда человек полон жизни, он не спрашивает, зачем ему жить, — он живет, потому что жить — это здорово. Именно из-за острой нехватки людей, которые считают, что жить — это здорово, так ярко выражен главный симптом нашего духовного кризиса — затрудненность реализации больших творческих проектов. И здесь в самое время вспомнить слова Р. Роллана: «Одно только и есть счастье: творить. Живет только тот, кто творит. Остальные — это тени, блуждающие на земле, чуждые жизни».

Гевара был творческим человеком в самом полном смысле этого слова, ибо был творцом самых высоких ценностей — более яркой, полной, а потому справедливой и правильной жизни и соответствующего ей нового человека.

Это был один из самых свободных людей в истории человечества, потому что готов был пожертвовать собой во имя его освобождения. Секрет этой свободы в нравственном примере, который преподдал Че миру корысти и наживы. Огнем своего самопожертвования Гевара выводил людей из депрессивного состояния. Нет худшего рабства, чем быть рабом

своих собственных предрассудков и стереотипов. Именно духовное освобождение, возрождение человека из праха унижения, пресмыкания и лжи является нематериальным фактором, движущим все изменения в обществе. Главную заслугу Гевары перед мировой историей российский политолог В. Миронов видел в следующем: «Громадное историческое значение личности Че в том, что миллионы угнетенных и униженных людей по всему миру благодаря его личности выхледили из депрессивного состояния, сбрасывали с себя психологический гнет рабства и поднимались на борьбу». Поэтому его жизнь, даже спустя 40 лет после гибели, продолжает заряжать жизненной энергией миллионы людей по всему миру.

Рискуя показаться смешным, он как-то сказал, что истинным революционером движет великая любовь — любовь к жизни, семье и своему народу. Его смерть есть проявление безмерной любви к жизни. Она — не отрицание жизни, а прямой вызов ее убогости и повседневности. Он сделал свое дело — пронес свое зная, зная достоинства и человечности, потому вошел в историю, стал легендой и поднял миллионы людей с колен, показав своим примером путь к новой жизни. Он — Эрнесто Гевара по прозвищу Че.

С. Ретинский

Интеллигенция и контрреволюция

«Пока это еще студентки и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти на самостоятельную дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша, будущее России обрастает в дым, и остаются на филитре одни доктора — дачевладельцы, несмытые чиновники, воюющие инженеры... Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».

А. П. Чехов

Особенность контрреволюции в СССР состоит в том, что она совершалась не классом буржуазии, а, так сказать, в порядке самообслуживания: советское общество «стройными рядами», во главе с руководством партии и государства двигалось от социализма к капитализму. Буржуазия была не движущей силой этой контрреволюции, а ее продуктом.

От внешнего фактора мы намеренно отвлекаемся, поскольку его роль в этом процессе была ничтожна. Конечно же, империалистические страны предпринимали огромные усилия для того, чтобы уничтожить социализм, тратили огромнейшие средства на подрыв нашего строя. Но эти усилия предпринимались всегда. Тем не менее, раньше они скорее укрепляли социализм, чем подрывали его.

Советская интеллигенция, как и советская контрреволюция, есть продукт сугубо внутренний. Внутренний не сточки зрения национальной, а с точки зрения классово-Советская интеллигенция есть, и на самом деле, трудовая интеллигенция. От внешнего фактора, то есть от влияния на советскую интеллигенцию старой русской интеллигенции, и здесь нужно отвлечься точно так же, как от внешнего фактора в разборе вопроса о причинах контрреволюции, потому что старая русская интеллигенция в подавляющей массе своей или не приняла Советскую власть, или сама была отвергнута Советской властью.

Если быть более точным, то влияние старой русской интеллигенции на советскую интеллигенцию было огромным, но оно, как бы это выразиться, не было определяющим и не было непосредственным. Советская интеллигенция формировалась под непосредственным влиянием революции, а вот русская революция, конечно же, во многом была и детищем русской интеллигенции, но не всей, и даже не большей ее части, а только лучшей ее части, демократической, революционной. Но в том-то вся и проблема, что демократизм и революционность на рафинированной интеллигентной почве приживаются ненадолго и если даже цветут буйно, то плодов или не дают, или дают весьма ядовитые. Чехов, горькие слова которого вынесены в эпиграф, очень хорошо знал, о чем писал.

Разумеется, точно так же нельзя было верить и советской интеллигенции, когда она выступала против советского строя, когда она жаловалась на то, что ей недостает свободы, туалетной бумаги, импортных шмоток и тому подобных «демократических ценностей». Ведь парадокс состоял в том, что больше всего жаловались жители столиц, которые, как помните, снабжались по первой категории. А среди столичных самыми несчастными оказывались как раз самые привилегированные. Увы, народу не хватало той чуткости, которой обладал Чехов, и народ поверил интеллигенции. Это было тем более неразумно, что интеллигенция сама себе не верила. Она просто не понимала, чего она хочет — конституции или свержения с хреном. Интеллигенция захлебывалась злостью в адрес советской власти, которая ее породила. Парадокс состоит в том что к этому времени интеллигенция и советская власть составляли уже фактически одно целое. Власть сверху донизу формировалась из среды интеллигенции. Наличие высшего образования с определенного времени стало необходимым условием занятия даже самых мелких должностей в системе власти — как в Советах, так и в партии. Ненавидя советскую власть,

советская интеллигенция фактически ненавидела саму себя. И было за что — находясь у власти, она не знала, что, собственно, нужно делать, куда вести народ. Да и знать не могла в принципе. Ведь интеллигенция не является и не может являться самостоятельным субъектом исторического действия. Ее удел — служить. Определенные статус интеллигента в Советском Союзе как «служящего» было очень точным. Интеллигенция может только идеологически и организационно обслуживать интересы определенного класса. Если быть более точным, то она призвана обслуживать интересы буржуазии. Отдельная прослойка людей (независимо от их происхождения), занимающихся интеллектуальным трудом и живущих за счет этого труда, возникает только при капитализме и с уничтожением капитализма, то есть с уничтожением разделения труда, должна бы и исчезнуть.

Рабочий класс и крестьянство, когда они вдруг оказываются господствующими в обществе классами, тоже могут и часто вынуждены пользоваться услугами интеллигенции, но, увы, недолго. Это может происходить или в порядке «использования буржуазных специалистов», то есть через подкуп этой самой интеллигенции, или по принуждению (чаще всего приходится комбинировать тот и другой методы) или, если процесс уничтожения разделения труда по каким то причинам затягивается и приходится воспроизводить интеллигенцию (а, в СССР, повторюсь, она не просто воспроизводилась, а фактически только здесь и появилась, поскольку в царской России, по причине ее отсталости, процесс становления интеллигенции только начался) начинает действовать известная еще из времен Аристотеля диалектика господина и раба — господин становится рабом своего раба. А, как говорят на Западной Украине, «нема прше як з Івана пана», то есть нет хуже, чем господин с психологией раба. Не имея своей собственной исторической идеи, интеллигенция делает своей идеологией презрение и ненависть к классу, на службе которого она оказалась, ко всем историческим достижениям этого класса, включая и такое, как создание своей собственной интеллигенции. Интеллигенция в эпоху перестройки начала поднимать на щит какие угодно реакционные идеи — буржуазно-демократические, откровенно фашистские (восхваление «экономического гения» Пиночета и возведение в ранг национальных героев всех, кто прислуживал Гитлеру), феодально-патриархальные (канонизация царей, гетьманов, любого рода квасная шароварщина), иногда и вовсе варварски-первобытные (типа призывов вернуться к дохристианским религиозным культам или борьбы за легализацию различных форм кумскуитета). Интеллигенция готова была оправдывать любую политическую силу, лишь бы та поскорее уничтожила не только все завоевания революции, но и само воспоминание о ней.

Контрреволюция отплатила интеллигенции за это тем, что фактически уничтожила ее саму. Советская конституция определяла место интеллигенции в советском обществе как прослойки между классом рабочих и колхозного крестьянства. Это очень оскорбляло советскую интеллигенцию. Так вот, в сегодняшнем обществе места для интеллигенции нет — ни по конституции, ни в жизни. Она разложилась, растворилась в рыночной среде. Часть, буквально, в меру того, как огромная масса «бывших интеллигентных людей» (в советские времена было такое слово «бич», которое иронически расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек») и приблизительно соответствовало современному «бомж») превратилась в «базарный пролетариат» или пополнила ряды гастарбайтеров, а нередки и просто бомжей, а частью — сохранила свой бывший общественный статус, но растеряла его бывшее содержание — вряд ли врач, берущий взятки, или учитель принимающий регулярные «подарки от родителей», может быть причислен к числу интеллигентных людей. По той причине, что интеллигенция фактически исчезла как общественное явление, и слово это потеряло смысл. Сегодня предпочитают, на западный манер, говорить об «интеллектуалах» или о «национальной элите». Но, заметьте, чем больше становится людей с высшим образованием, тем к меньшему количеству их можно даже с самыми большими натяжками отнести такого рода обозначения. И в самом деле,

смешно называть даже интеллектуалом банковского клерка, какого-нибудь менеджера по продажам или чиновника. И уж тем более неприменимо к «офисному планктону» в целом слово интеллигенция.

Это слишком большая роскошь для современного капиталистического общества — интеллигенция. Разве нужен сегодня учитель, который умеет думать? От таких стараются избавляться немедленно. Думающий ведь не будет собирать подписи за кандидата от власти и послушно фальсифицировать результаты выборов в избирательных комиссиях. Не нужны думающие преподаватели в вузах, поскольку тогда могут начать думать студенты. А думающие студенты — это угроза для существующего строя.

Вообще, думать вредно, ибо думать — это значит заботиться о будущем, а будущего у сегодняшнего общества нет. Самое первое условие для того, чтобы будущее появилось у человечества — это уничтожение сегодняшнего общественного строя. Однозначно — это самое последнее, чего когда-либо желала интеллигенция. Реформировать, подкрасить, усовершенствовать (усовершенствовать и украсить гильотину, как писал В.А. Босенко) — это да. Но чтобы уничтожить, интеллигенция на это никогда не пойдет, ибо чувствует, что этот строй — это основа ее существования. И как только выясняется, что никакого иного выхода для человечества, кроме как уничтожение существующего общественного строя, рационально помыслить нельзя, интеллектуалы делают своим кредо отказ от рациональности, от мышления. Они прикладывают море интеллектуальных усилий для того, чтобы доказать бессилие интеллекта, обосновать отказ от мышления, развенчать все достижения мировой философии и науки в пользу религии, мистицизма, даже шаманизма. Любое безумие объявляется верхом мудрости, только бы не рациональное мышление. Сетовать на такое неинтеллигентное поведение интеллигенции бесполезно. Ибо, в конечном счете, она права. Не может существовать разумное мышление в неразумном мире.

Когда некоторые представители интеллигенции жалуются на то, что революция уничтожила интеллигенцию, в их словах гораздо больше истины, чем они сами могут себе представить. Эмпирически, конечно, все было ровно наоборот — только революция породила интеллигенцию (в царской России только 1,1% населения имело высшее и полное среднее образование), но теоретически, то есть исторически, революция и в самом деле должна была уничтожить интеллигенцию, ликвидировать разделение труда на умственный и физический И, пожалуй, это и было самое главное преступление революции перед интеллигенцией, что она так и не смогла выполнить этой задачи. И этим самым она обрекла на погибель как себя, так и интеллигенцию. Но жалеть о гибели интеллигенции не стоит, ибо если мы немного перефразируем известное высказывание Ленина и благодаря этому поймем, что интеллигенция — не голова, а только «волосы» нации, то заодно нам придется вспомнить и то, что, снявши голову, по волосам не плачут. Ведь даже поражение нашей революции, которое тем более позорно, что потерпели мы его не в бою с врагом, а в результате внутреннего разложения, массового предательства со стороны собственного руководства, той же самой интеллигенции, — это огромный исторический шаг революции мировой. И тем нациям, которые поднимаются вслед за нами штурмовать «небеса» истории, без сомнения, должно повезти больше, ибо они будут вооружены в том числе и опытом наших ошибок. И это, пожалуй, единственное, чем может оправдаться интеллигенция перед историей за свое предательство — теоретически обобщить этот наш великий горький опыт и сделать его достоянием истории, оружием тех, кто ее будет творить. Это ее последнее слово перед судом истории, репортаж с петлей на шее (с петлей, которую она сама себе сплела и в которую сама сунула свою bestолковую голову) может послужить ей если не смягчающим обстоятельством (поскольку приговоры истории, как правило, окончательны и обжалованию не подлежат), то, по крайней мере, поводом для посмертного помилования будущими поколениями по причине истечения срока давности совершенной ею исторической ошибки.

В ПИХОРОВИЧ